

Мрибуна молодого журналиста

№7(78)
Октябрь
2007

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

КАКОВА ДУША, ТАКОВА И МУЗЫКА

12 августа Сергей Михайлович Слонимский отметил свой 75-летний юбилей. В начале мая на протяжении четырех дней петербургский композитор выступал в столице в роли автора музыки (в Большом зале в исполнении БСО им. П.И.Чайковского прозвучала Симфонietta, в Малом — камерные инструментальные и вокальные сочинения), остроумного рассказчика и блестящего пианиста (творческий вечер в Музее им. Бахрушина, понимающего и предельно открытого старшего коллеги (встреча в РАМ им. Гнесиных с молодыми композиторами). Прошедшие в Москве события в очередной раз доказали, что Слонимский по-прежнему молод, энергичен и юношески дерзок, а значит — интересен слушателю.

«Перестать сочинять музыку не удастся, она вырывается на волю бесконтрольно», — признался маэстро в одном из последних интервью. Масштаб созданного на сегодняшний день действительно впечатляет: 15 симфоний (Пятнадцатую Слонимский только что завершил и признался, что она «очень сложная»), 11 концертов (в том числе хоровой концерт «Тихий Дон», «Славянский концерт» для органа, 2 фортепианных концерта, а также созданные в 2006 году «Трагикомедия» — Концерт для алта и камерного оркестра и Симфония-концерт для большой альтовой думы и симфонического оркестра). В сфере композиторского интереса остаются театральные жанры: в 2005 на сцене Мариинского театра увидела свет рампы полномасштабный балет «Волшебный орех», который вот уже 2 года является, по признанию В.Гергиева, одним из наиболее посещаемых спектаклей. А совсем недавно появилась ораториальная опера «Антигона» (2006). Возникают и несколько неожиданные жанры: в 2003 году Слонимский создал Реквием — жанр, обращение к которому для автора всегда является чем-то знакомым и глубинным. И, наконец, важным остается для композитора создание камерных сочинений для фортепиано, голоса и др.

Нравственное кредо композитора, заключающееся в «непротивлении добру и решительном моральном противодействии злой силе и опасному большинству», нашло отражение не только в его сочинениях, но и во многочисленных публикациях, выступлениях и общественных акциях. Благодаря инициативе Сергея Михайловича было издано собрание сочинений писателя Л.Лукича, началось возрождение наследия В.Шебалина, Б.Клюзнера, В.Шербачева; на неоднократно выступал в защиту художественного руководителя Капеллы Санкт-Петербурга дирижера В.Чернушенко...

Накануне юбилея Слонимский согласился ответить на несколько вопросов.

— Сергей Михайлович, Ваши годы учения проходили и в Москве, и в Ленинграде. К какой школе Вы себя причисляете?

— Можно сказать, что я наполовину москвич, наполовину петербуржец. Мне очень повезло с педагогами. Моими первыми учителями по композиции в Московской ЦМШ были В.Я.Шебалин и его ассистент Е.О.Меснер. Мне тогда было 11–12 лет, на два года старше меня были Н.Каретников, Р.Леденев, А.Пахмутова. В Ленинградской консерватории я учился у Б.А.Арапова, наследника школы Шербачева, и у А.А.Евляхова, ученика Шостаковича.

Виссарион Яковлевич Шебалин для меня особо памятен. Он повторял очень мудрую и точную мысль: «упрощенное — враг простого, а вычурное — враг сложного». То есть простота и сложность гармонично сочетаются и в жизненных явлениях, и в человеческом организме, и в композиторском творчестве. А упрощенное и вычурное образуют коктейль для тех, кто, не будучи отягощен богатством музыкальной мысли и грузом таланта, стремится к наименьшим затратам сил и к более легкому творчеству. То, что имя Шебалина не вошло в число престижных имен, мне кажется вопиющей несправедливостью. Очень бы хотелось, чтобы в одном из залов консерватории состоялся концерт из произведений композитора.

Как педагог Шебалин должен стоять на втором месте после Мясковского. Кстати говоря, плеяда московских композиторов, которых я шуточно окрестил в 60-е годы «большой московской тройкой» — Губайдулина, Денисов, Шнитке, — напрямую относится к школе этого композитора (двое из них — ученики Шебалина, а Шнитке учился у другого представителя школы Мясковского — Е.В.Голубева).

— Каковы были Ваши дальнейшие взаимоотношения с Москвой и московскими коллегами?

— Не будет преувеличением сказать, что в 60-е — 70-е годы мне удалось выжить благодаря поддержке московских коллег и театров. Ленинград находился тогда под тройным гнетом

сский период не дал ни одного сочинения, достойного исполнения. Все, что я писал, было очень искренним, правдивым, но не самостоятельным, как будто я говорил чужим голосом.

Только через два года после окончания консерватории мне удалось написать свою собственную музыку, сравнительно новую для того времени. Например, в Первой симфонии я затронул тему «личность и толпа»: человек, который задумывается над смыслом бытия, ищет справедливости и приложения собственных моральных критериев к работе, обречен на одиночество и в итоге погибает...

— Как тогда было воспринято это сочинение?

— Тогда симфонию запретили к исполнению. Это был мой первый сокрушительный разгром на секретариате Союза композиторов. Я дебютировал как аутсайдер. Несмотря на запрет, симфонию ругали в печати еще 2–3 года, как будто это звучавшее сочинение. Например, в статье «Заметки композитора» («Советская музыка», 1959, №1) Аксюк, бывший тогда заместителем Хренникова, называет двух «плохих» молодых композиторов — Шнитке с «Нагасаки» и меня с Первой симфонией. Самым большим «недостатком» моего сочинения был недвусмысленный намек на угрожающую прошлость советской жизни, ярко изображенной в скерцо... В общем, я начал с того, что меня чуть не исключили из Союза композиторов, в который я только вступил.

— Ощущаете ли Вы какие-либо изменения в творчестве последних лет, начиная с 90-х?

— С одной стороны, у меня происходит активное обращение к Шекспиру, Софоклу, Анненскому, то есть к античной драматургии, а с другой — усиление тяготения к «низовому» жанру современной бытовой песни в связи с поэзией Е.Рейна, А.Городницкого и др. И, кстати го-

вора, этот жанр мне гораздо ближе, чем советская патриотическая песня.

Еще одна особенность — увеличение интенсивности работы. Чем меньше остается времени, тем инстинктивно меньше откладываешь. В декабре я написал Четырнадцатую симфонию, а в январе — ораториальную оперу «Антигона». Если уже что-то приходит в голову, садишься и доводишь это до конца. Искусственно я не заставляю себя писать, напротив, я искусственно заставляю себя не писать.

— Недавно Вы обратились к жанру, который для композиторов всегда становится единственным и особым. Речь идет о Реквиеме. Каково Ваше отношение к духовной музыке и какое место в ней Вы отводите Вашему сочинению?

— На мой взгляд, трудно назвать подлинно духовной музыкой создаваемые за определенную плату четырехголосные гармонические записки с духовными текстами для исполнения на фестивали. Для меня истинными, высокими образцами духовной музыки являются, например, «Аллилуйя» и «Страсти по Иоанну» Губайдулиной — настоящая музыка, которая меня захватывает и трогает. Это редкий случай подлинности подобного жанра в творчестве. Я верю и знаю, что София глубоко религиозный человек.

Мой Реквием обращен к вечному свету, как итогу жизни человека с чистой совестью. Вместе с тем в нем есть идея покаяния, которая каждому из нас нужна, и идея спасения о невинно убиенных людях. Конечно, он не рассчитан на исполнение в соборе, но ведь и Реквием Верди — концертная музыка.

А что такое религия? Как сказано в стихотворении Кушнера:

Стихи рождаются
все с той же силой
И то же значат для меня,
Как для молящегося
«Господи, помилуй!».
Огонь и есть огонь,
И врид ли за моголгой
Отличен тот огонь
от этого огня.

Огонь творчества сродни религиозному огню. Если вечный свет дается за праведное отношение к себе подобным — это естественная религия. Человеку не дано познать мир. И если я буду думать, что мне это под силу, значит, я не праведный человек. Сама музыка — открытие от Бога. Я верю в то, что у человека есть душа. И в музыке она выходит на поверхность. Какова душа, такова и музыка...

Светлана Черноморская

СОБИРАЕМ ДРУЗЕЙ!

«Собираем друзей» — под таким незамысловатым названием с 15 по 22 августа в стенах Московской консерватории проходил уникальный международный музыкальный фестиваль. Всего лишь за неделю на сцене Рахманиновского зала успели выступить воспитанники музыкально-образовательных учреждений различных национальностей и даже континентов!

Право открытия фестиваля досталось Харбинскому педагогическому университету (Китайская Народная Республика). И это не случайно, ведь 2007 год объявлен годом Китая в России. Музыка для солистов и ансамбля традиционных инструментов пленила русскую публику огромным эмоциональным диапазоном: от необычайной мощи и жизненной энергии патриотических песен («Мой родной край — Пекин», «Большой Хинган — наш родной дом») до искренности лирических сочинений («Цветы хороши и луна кругла», «Жасмин», «Отражение луны в двух источниках»).

Многообразие жанров не могло не удовлетворить вкус даже самых отъявленных музыкальных «гурманов». Прозвучали и древние песни, такие как «Осада со всех сторон» для лютни пипы, повествующая о войне царств Чу и Хань (220 г. до н.э.), и обработки народных мелодий, и отрывки из пекинской оперы, и сочинения современных китайских композиторов. А «на десерт» ансамбль исполнил известную русскую песню «Не брани меня, родная».

Профессиональную слаженность и мастерство музыкантов дополняли изумительные по красоте и яркости национальные костюмы. Зрители жадно рассматривали изысканные го-

ловные уборы и платья вокалисток, это ничуть не отвлекало от музыки, скорее наоборот — внешний вид вполне соответствовал праздничному и жизнерадостному настроению. В результате каждый посетитель концерта унес с собой кусочек дружеского Китая, каким его сумели показать музыканты Харбинского Университета.

Среди гостей фестиваля был дуэт из Познанской музыкальной академии им. И.Я.Палеревского (Польша). Молодые музыканты Михал Брыля (альт) и Филипп Валцж (фортепиано) — лауреаты республиканских и меж-

дународных конкурсов, обладатели различных стипендий, постоянные участники мастер-классов на родине и за рубежом. Их творческий союз начался в 2003 году и уже доказал свой успех. Наряду с произведениями барокко и классики поляки профессионально исполняют музыку современных авторов, на счету дуэта много премьер сочинений молодых польских композиторов. На концерте они представили Сонату для альта и фортепиано оп.11 №4 П.Хиндемита, Каденцию для альта соло К.Пендеревского, Вариации для фортепиано оп.27 А.Веберна, а в заключение сыграли Сонату

оп.147 для альта и фортепиано Д.Шостаковича. Это оказалось несколько неожиданным для русского слушателя: философски-сосредоточенное сочинение Шостаковича под занавес опровергло представление о том, что последним номером непременно должна быть музыка быстрая, виртуозная, жизнерадостная.

Наши соседи из Музыкальной академии г.Минска привезли в Москву «Четыре века белорусской музыки». Многие произведения в исполнении Елены Золовой-Гаврильчик (сопрано) и Татьяны Молоковой (фортепиано) стали настоящим открытием для русского слушателя. В программу концерта вошли имена более двадцати композиторов, сочинявших в Беларуси с XVII по XX век. Среди прозвучавшей музыки можно было обнаружить редко исполняемые и даже премьерные произведения.

Достоинством завершением фестиваля дружбы стал вечер индийской классической музыки, в котором приняли участие всемирно известные музыканты из Индии: Мира Прасад (ситар), Устад Ал Лауддин хан (табла), Ашфак Хус Сейн хан (танпура). Энергичные и изысканные ритмы табла и многокрасочные звуки ситара под аккомпанемент танпуры ввели переполненный зал в состояние умиротворения и восторга.

Фестиваль «Собираем друзей» трудно переоценить. Такие вестчи предоставляют редкую возможность ближе познакомиться с культурой других стран и народов, вновь убеждая, что музыка имеет огромную объединяющую силу.

*Анна Козытник,
студентка IV курса*

*На фото:
Мира Прасад с ситаром*

КАЗАКИ-НЕКРАСОВЦЫ

Дорога в Ставропольский край неблизкая. На поезде «Москва — Владикавказ» мы ехали тридцать восемь часов. Несмотря на давность военных событий, близость к Чечне вызвала неясную тревогу. Руководитель экспедиции Н.Г.Денисов через каждый час пути по Ставропольскому краю утверждал, что именно по этой дороге боевики шли на Буденновск.

А мы ехали к казакам-некрасовцам. В среде фольклористов, в отличие от музыковедов, они очень популярны. Их неоднократно приглашали выступать в Москву, а также за границу, — в США, Германию, Польшу, Эстонию. Это же обстоятельство сыграло с казаками злую шутку, — теперь они наотрез отказываются куда-либо выезжать бесплатно. Кстати, их выдающийся певец Семен Иванович Милушкин выдал дочь замуж не куда-нибудь, а в Германию.

Казаки-некрасовцы придерживаются старой веры. В Левомском районе, где они проживают, насчитывается несколько старообрядческих приходов. В храме, как и полагается у староверов, существуют мужская и женская «половины» (мужчины

У казаков-некрасовцев еще сохранилось старое представление об ангелогласии. Оно вовсе не соответствует тому, что мы подразумеваем под благостным пением. Это пение обладает самобытным тембром, — на наш слух достаточно жестким. Мелизмы в некрасовских напевах говорят о восточном происхождении этой традиции. Действительно, многие из стар-

ших казаков успели поучиться в греческой школе в Турции, откуда они вернулись в начале 1960-х годов. Размеренность и неторопливость свойственна как богослужению, так и всей жизни некрасовцев. На протяжении службы необходимо совершить несколько десятков земных поклонов. Помимо «ритуальной» функции, это

играет роль физической разминки, и тело, несмотря на продолжительность богослужения, не затекает. Несмотря на аскетизм быта, казаки хозяйственны и очень гостеприимны. Гостям даже в пост всегда предлагают мясные кушанья. В каждом доме солидное хозяйство: утки, куры, свиньи, большой виноградник, огромный огород. Гостям обязательно предложат домашнего сухого вина, по качеству ничем не хуже заводского. Между прочим, мужское население казаков, практически, не употребляет спиртного.

Внешне благополучная картина жизни имеет и обратную сторону. Жители соседнего Дагестана приезжают и скупают брошенные местными русскими жителями дома. При этом многодетных семей у дагестанцев значительно

стоят ближе к алтарю, женщины — дальше). В отличие от провинциальных приходов господствующей церкви, мужчин в храме очень много. Из них, соответственно, состоит и хор.

Традиционно пение в старообрядческом храме одноголосно. Как может показаться на первый взгляд, певчие поют по крюковой книге. Однако, все напевы они знают наизусть, а по книге только вспоминают текст: крюковую нотацию никто из ныне живущих некрасовцев читать уже не умеет.

больше. Что же касается детей самих старообрядцев, то они все переселяются в города, очень редко навещают родные деревни и не горят желанием продолжать традицию. Таким образом, самобытная культура находится ныне на грани вымирания. Нам, в данном случае, остается только это констатировать, поскольку мы с нашим современным сознанием уже вряд ли сможем органично войти в этот мир.

*Иван Старостин,
студент IV курса*

АРТИС-КВИНТЕТ

Отношение к русским народным инструментам у каждого глубоко индивидуально, и, думаю, что на сей счет можно найти немало противоположных мнений. Проблема, действительно, есть. А именно: сейчас практически не существует древней школы игры. Мало кому извест-

зыкальных вузов (МГИМ им. А.Шнитке, РАМ им. Песинных). Основным инструментом в ансамбле является домра вместе со своими разновидностями: две малые домры, домра-альт и домра-бас. Кроме того, в квинтете присутствует балалайка-контрабас.

В репертуар академических музыкантов домра связана с неким развлекательным фактором. И это не случайно. Долгое время основу репертуара этого инструмента составляли обработки русских народных песен. Сразу скажем, что этот пласт достаточно разнообразен: в него входят и кантены, и зазорные плясовые. Кроме того, техника игры на домре достаточно сложна. Натяжение струн сильное (примерно в 1,5 раза сильнее, чем на гитаре), звук гаснет быстро, координация левой и правой рук должна быть отменной, чтобы не было технического брака. Поэтому процесс обучения игре на домре очень сложен. К тому же, увлекаясь техническими трудностями, педагог и исполнитель могут «забыть» о самом главном — о звуке.

Уникальность «Артис-квинтета» состоит в том, что они, прежде всего, заботятся именно о звучании своих инструментов. Домра — очень богатый инструмент с точки зрения

штрихов и приемов игры. Каждый из участников коллектива заботится о том, чтобы его инструмент в звуковом отношении был богат и разнообразен; стремится «вытащить на поверхность» все заложенные в нем возможности. Именно поэтому звуковая аура, которая исходит от «Артис-квинтета», невероятно «живая» и очень разнообразна.

В репертуар ансамбля входят произведения самых разных эпох и жанров. Это переложения русской и зарубежной классики: сюиты Баха, сонаты Scarlatti, Concerti grossi Генделя, «Лирические пьесы» Грига, миниатюры Чайковского и Бородина. Кроме того, коллектив исполняет сочинения композиторов XX века: Прокофьева и Шостаковича, Шедрина и Губайдулиной. Отдельную линию составляют обработки народных мелодий.

«Артис-квинтет» ведет очень активную и успешную концертную деятельность на лучших сценах Москвы. Исполнители имели возможность выступать на таких площадках, как Международный зал РАМ им. Песинных, музеи Н.Рериха и М.Цветаевой. Небезынтересно, что ансамбль сотрудничает с Клубом молодых композиторов РАМ им. Песинных и неоднократно исполнил новые произведения, написанные специально для состава «Артис-квинтета». Пожелаем молодым и перспективным артистам удачи!

*Наталья Берлизова,
студентка IV курса*

но, как именно звучали те же балалайки или домры лет 400 назад. Можно вспомнить например, японцев, которым удалось сохранить культуру игры на своих народных инструментах, история которых насчитывает не одно тысячелетие.

Сейчас появляются разнообразные коллективы, занимающиеся «продвижением» наших народных инструментов. Можно вспомнить знаменитый «Терем-Квартет». Но совсем недавно, в 2006 году, молодыми музыкантами был создан «Артис-квинтет». Эти ребята — студенты разных му-